

Кантерев Н. Ф. [Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович:]
Важнейшие постановления собора 1667 г. относительно
благоустройства русской церковной жизни // Богословский вестник
1911. Т. 2. № 5. С. 17–37 (3-я пагин.). (Продолжение.)

Важнѣйшія постановленія собора 1667 года относи- тельно благоустройства русской церковной жизни.

Постановленіе собора 1667 года, чтобы на Руси ежегодно собирались церковные соборы если уже не два раза въ годъ, то обязательно одинъ. Неисполнимость этого требованія. Образование при московскихъ патріархахъ постоянного изъ архіереевъ Синода, родоначальника нынѣшняго Св. Синода. Постановленіе собора 1667 года объ увеличеніи въ Россіи числа епархій и раздѣленіи ихъ на митрополитанскіе округа. Неудачная попытка царя Ѳедора Алексѣевича привести въ исполненіе постановленіе собора 1667 года объ увеличеніи въ Россіи числа епархій и о раздѣленіи ихъ на двѣнадцать митрополитанскихъ округовъ. Постановленіе собора о неподсудности духовныхъ лицъ судьямъ изъ мірянъ. Разрѣшеніе соборомъ вдовымъ священникамъ и дьяконамъ священнодѣйствовать, а тѣмъ изъ нихъ, которые вступили во второй бракъ, прислуживать въ церкви, пѣть на клиросѣ и питаться отъ церковныхъ доходовъ, а также невозбранно поступать на общественную и государственную службу, кромѣ военной. Нѣкоторыя другія болѣе мелкія постановленія собора, касающіяся церковнаго благочинія, чернаго и бѣлаго духовенства. Приглашеніе патріарховъ, обращенное къ царю, архіереямъ, настоятелямъ монастырей и ко всѣмъ русскимъ вообще открывать у себя училища, учиться въ нихъ наукамъ, а главнымъ образомъ изучать греческій языкъ, эту основу всякаго истиннаго просвѣщенія.

Изъ постановленій собора 1667 года, послѣ осужденія русскаго старообрядства, нѣкоторыя, по своей важности для послѣдующей русской церковной жизни, заслуживаютъ особаго вниманія. Къ числу такихъ постановленій прежде всего относится соборное опредѣленіе о пользѣ и необходимости собирать ежегодно два, или, въ крайнемъ случаѣ, одинъ разъ въ годъ церковные соборы въ Москвѣ, для обсужденія и рѣшенія всѣхъ возникающихъ текущихъ вопросовъ и дѣлъ церковной жизни.

Восточныхъ патріарховъ поразило то обстоятельство, что на Руси крайне рѣдко собираются церковные соборы, тогда какъ церковные каноны настойчиво и рѣшительно требуютъ, чтобы соборы обязательно собирались или два раза въ годъ, или же, въ крайнемъ случаѣ, одинъ разъ въ годъ, такъ какъ, отъ несоблюденія тою или другою помѣстною церковію этаго правила, могутъ произойти въ ней разныя нестроенія, даже мятежи и расколы. Въ виду этого патріархи постановляютъ: „подобаетъ, якоже повелѣваютъ правила святыхъ апостоловъ и вси вселенстїи и помѣстнїи соборы, яко да въ коейждо странѣ и епархіи творити архіереомъ соборы дважды въ лѣто, или нужды ради, поединожды, церковныхъ ради вещей исправленія. Обаче заеже во здѣшныхъ странахъ великороссійскаго государства не обыкоша архіереи собираться часто, и соборы творити, и исправляти священническія распри и прочая, учинишася толики раскольники и мятежники, и возмутиша все государство, и многія души погибоша, и в малѣ было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили къ безмѣстнымъ дѣламъ и еретическимъ мудрованіямъ. Сего убо ради весьма подобаетъ по времени начастѣ собираться архіереемъ всего Россійскаго государства въ царствующій градъ Москву ради всякихъ добрыхъ совѣтовъ и нуждыя церковныя вещи исправляти“¹⁾.

Это настоятельное требованіе восточныхъ патріарховъ, чтобы на Руси два раза или одинъ разъ въ годъ, обязательно, собирались церковные соборы, чего требуютъ и церковные каноны, необходимо поставило наше правительство въ очень затруднительное положеніе. Хорошо было сказать: собирайте соборы ежегодно, но какъ было выполнить это на дѣлѣ? Русская тирриторія была крайне велика, занимала громадное пространство. На этомъ громадномъ пространствѣ, въ очень большомъ разстояніи одна отъ другой и каждой отъ столицы—Москвы были разбросаны русскія, тоже громадныя по пространству, епархіи. Дороги въ то время у насъ были крайне плохи, а въ нѣкоторыя времена года и совсѣмъ непрѣздки. Чтобы архіерею болѣе отдаленной епархіи попасть въ Москву, съ сопровождавшею его свитою, довольно многочисленною, требовалось много сборовъ, хлопотъ,

1) Матер. для ист. раск. т. II, стр. 249—250.

времени, издержекъ, и только подъ условіемъ, что состояніе пути допускаетъ поѣздку. При такихъ условіяхъ ежегодно ѣздить въ Москву изъ отдаленныхъ епархій было дѣломъ рѣшительно невозможнымъ, это бы значило, для такихъ архіереевъ, съ одной стороны, нѣсколько мѣсяцевъ проводить въ ѣздѣ по тогдашнимъ дорогамъ, на что далеко не у всякаго архіерея хватило бы силъ; съ другой стороны архіерею тогда пришлось бы въ дѣйствительности почти совсѣмъ бросить свою паству и всѣ епархіальныя дѣла, такъ какъ значительную часть года онъ проводилъ бы въ поѣздкахъ въ Москву и обратно и на соборныхъ засѣданіяхъ т. е. внѣ своей паствы. Восточные патріархи, напримѣръ, прибыли въ Астрахань 21 іюня, а въ Москву—2 ноября т. е. находились въ пути изъ Астрахани въ Москву четыре съ лишкомъ мѣсяца. Предположимъ, что мѣстный астраханскій епископъ прибылъ бы въ Москву вдвое скорѣе патріарховъ, но и тогда бы ему на одну дорогу въ Москву и изъ Москвы пришлось бы затрачивать болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ году и притомъ по самымъ плохимъ и тяжелымъ дорогамъ. Но даже изъ ближайшихъ сравнительно епархій ежегодныя поѣздки въ Москву архіереевъ были бы для нихъ крайне обременительны и тяжелы, и едва ли полезны для ихъ епархій, которыя имъ приходилось бы ежегодно оставлять на очень долгое время, что однако рѣшительно и строго осуждается и запрещается церковными канонами. Очевидно, ежегодныя церковныя соборы, на которые бы собирались всѣ русскіе епархіальные архіереи, по особенностямъ нашей страны, были совсѣмъ невозможны. Это хорошо понимало наше правительство и рѣшилось выйти изъ безвыходнаго, казалось, положенія такимъ образомъ: у насъ, вѣроятно, съ очень древняго времени, иногда собирались при митрополитахъ маленькіе соборы изъ такъ называемыхъ „прилучившихся“ архіереевъ т. е. такихъ архіереевъ, которые въ данное время по какому либо случаю находились въ столицѣ. Первый постановленный въ Москвѣ независимо отъ Константинопольскаго патріарха русскій митрополитъ Іона въ своей прощальной грамотѣ владимірскому и берестійскому епископу Даниилу говоритъ: „мы простихомъ его и благословихомъ, съ всѣми нашими дѣтми и съ служебники, съ архіепископомъ и епископы рускыми нашия митрополія, *с. м.*

ци въ сіе время, прилучишася при насъ“¹⁾). Потребность имѣть въ Москвѣ, время отъ времени, хотя бы немногихъ пріѣзжихъ архіереевъ для обсужденія и рѣшенія возникавшихъ церковныхъ дѣлъ, какія не могъ, или считалъ неудобнымъ, рѣшать одинъ митрополитъ, а потомъ патріархъ, была такъ естественна и настоятельна, что наши митрополиты, а потомъ патріархи, сами собою, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались составить соборы изъ „прилучившихся“ архіереевъ.

Потребность присутствія въ Москвѣ большаго или меньшаго количества епархіальныхъ архіереевъ вызывалась иногда и разными государственными нуждами.

Архіереи древней Руси, вмѣстѣ съ монастырями, были у насъ очень богатыми землевладѣльцами и имѣли на своихъ земляхъ многочисленныхъ крестьянъ. Они, какъ и другіе помѣщики, должны были съ своихъ земель отбывать разныя государственныя повинности: доставлять даточныхъ людей на войну, доставлять опредѣленные денежные налоги на военныя издержки, доставлять провіантъ на государевыхъ служилыхъ людей, давать нуждающемуся государству займы деньги и т. под. Естественно, что государство, когда оно находилось въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и нуждалось въ помощи и содѣйствіи всей земли, не могло обойтись безъ содѣйствія духовныхъ властей, которыхъ оно всегда и призывало на совѣтъ, вмѣстѣ съ другими представителями земли, на свои земскіе сборы. И такъ какъ земскіе соборы, особенно въ первой половинѣ XVII вѣка, были часты и продолжались иногда довольно долго, то и епархіальные архіереи, являвшіеся на земскіе соборы, по необходимости должны были подолгу жить въ Москвѣ. И помимо земскихъ соборовъ присутствіе архіереевъ въ Москвѣ всегда признавалось необходимымъ при обсужденіи всѣхъ вообще важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, такъ какъ архіереи съ монастырями, представляя изъ себя одну изъ крупныхъ финансовыхъ и экономическихъ силъ страны, въ то же время были и царскими и всеобщими богомольцами, безъ благословенія и одобренія которыхъ считалось неудобнымъ начинать и совершать какое либо важное обще-государственное дѣло, почему архіереи и приглашались не только на земскіе со-

¹⁾ Рус. истор. библ. т. VI, стр. 589.

боры, но и на важнѣйшія засѣданія государственной думы. Даже по такимъ дѣламъ, которыя, повидимому, къ архіереямъ уже не имѣли рѣшительно никакого отношенія, государи однако совѣтовались съ ними. Напримѣръ, мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „тогожь числа (30 апр. 1675 г.) былъ у великаго государя, послѣ соборной обѣдни, великій господинъ святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всея Россіи, со властями въ верху въ передней, и сидѣли о посольскомъ дѣлѣ: а пошелъ отъ великаго государя въ восьмомъ часу дни“. ¹⁾ Значить, архіереи иногда появлялись въ Москвѣ по очень разнымъ случаямъ, и московскіе митрополиты, а потомъ патріархи, пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы образовать изъ пріѣхавшихъ въ Москву архіереевъ соборъ для рѣшенія какаго либо важнаго дѣла, превышавшаго единоличную компетенцію митрополита или патріарха.

Соборы изъ „прилучившихся“ архіереевъ, все-таки были въ общемъ очень случайны, функционировали только временно, съ большими и очень многолѣтними промежутками, не имѣли никакой правильной и опредѣленной организаціи. Когда восточные патріархи потребовали на соборѣ 1667 года, чтобы у насъ были правильные ежегодные соборы изъ епархіальныхъ архіереевъ, тогда рѣшено было институту „прилучившихся“ архіереевъ придать опредѣленную правильную организацію и сдѣлать этотъ институтъ постояннымъ, учредивъ изъ него постоянный синодъ изъ архіереевъ при особѣ патріарха. Прилучившіеся архіереи стараго времени, послѣ собора 1667 года, получаютъ названіе „чередныхъ“, или очередныхъ, какъ они называются и въ настоящее время. Такъ они названы были потому, что поочереды вызывались изъ своихъ епархій въ Москву, для присутствованія на соборныхъ засѣданіяхъ при патріархѣ. Когда умеръ патріархъ Іоакимъ, то государи „посылаютъ свои царскіе указы по архіереевъ различныхъ градовъ епархій... *череднымъ же тогда присутствующимъ архіереомъ*, во время жизни и правленія блаженнаго успенія святѣйшаго Іоакима патріарха и по смерти его оставшимся *и сущимъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ*, дабы соборъ, яко архіереи православніи и ихъ цар-

¹⁾ Дворцовые разряды, т. III, стр. 1364—1365.

скаго пресвѣтлаго величества богомольцы, купно вси сотворили и совѣтъ изнесли“ объ избраніи преемника Іоакиму ¹⁾).

„Чередные“ епархіальные архіереи вызывались въ Москву всегда по особому указу государя, безъ котораго они ни подъ какимъ видомъ не могли явиться въ столицу ²⁾. Очередной архіерей, прибывъ въ Москву и заявивъ о своемъ пріѣздѣ начальнику Большаго дворца, въ назначенный ему день прежде всего представлялся государю или, какъ тогда говорили, былъ „на пріѣздѣ у руки великаго государя“, а затѣмъ являлся къ патріарху, отъ котораго получалъ благословеніе. Въ „Дворцовыхъ разрядахъ“ мы читаемъ: „того жъ году (1675) были на пріѣздѣ, на праздникъ Богоявленія въ день, у руки великаго государя и у благословенія святѣйшаго Іоакима патріарха“ митрополитъ нижегородскій Филаретъ и Варсонофій архіепископъ смоленскій. Прослуживъ назначенный срокъ въ Москвѣ, очередной архіерей просилъ государя и патріарха объ отпускѣ въ епархію и, получивъ его, являлся „на отпускѣ“ къ государю и патріарху. „Тогожъ году (1674), декабря въ 26 день, говорятъ дворцовые разряды, пожаловалъ великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, отпустили властей съ Москвы (Корнилія митрополита новгородскаго, Іоасафа митрополита казанскаго и Іону епископа вятскаго) и у руки на отпускѣ у великаго государя и у благословенія святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго и всеа Россіи, были“. Или: „тогожъ году (1675) генваря въ день... пожаловали великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа

¹⁾ Полн. собр. зак. т. III, № 1381, стр. 70—71.

²⁾ Какъ вызывались въ Москву прилучившіеся или очередные архіереи, это хорошо видно изъ записи Дворцовыхъ разрядовъ: „тогожъ числа (8 сент. 1074 г.) посланъ, по указу великаго государя, изъ Большаго дворца, отъ боярина и оруженчаго Богдана Матвѣевича, да отъ думнаго дворянина Александра Савостьяновича Хитрово, да отъ думнаго дьяка Федора Михайловича съ товарищи, грамоты: въ Нижній Новгородъ по Филарета, митрополита нижегородскаго и олатырскаго, да въ Бѣлградъ по Мисаила, митрополита бѣлгородскаго и обоянскаго; а святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, велѣлъ послать къ нему же, изъ своего Разряда, другую грамоту. И велѣно имъ быть въ Москвѣ тѣчасъ, не мѣшкать; а пріѣхавъ къ Москвѣ велѣно имъ про себя извѣстить и про свои пріѣзды въ Большомъ дворцѣ боярину и оруженчому Богдану Матвѣевичу Хитрово съ товарищи“. (т. III, стр. 1008).

Россіи, отпустили съ Москвы домою Іосифа митрополита рязанскаго и муромскаго, къ себѣ на Рязань“. Или: „тогожь числа (24 февр. 1675 г.) пожаловали великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Русіи, на отпущкѣ: великій государь къ рукѣ, а святѣйшій Іоакимъ патріархъ къ благословенію Симона архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго“¹⁾).

На какой срокъ вызывались въ Москву очередные архіереи, это видно изъ грамоты государей 1685 года кievскому митрополиту Гедееону Четвертинскому, утверждающей права и преимущества кievскаго митрополита, гдѣ между прочимъ, говорится: „а по обыкновенію великороссійскихъ преосвященныхъ митрополитовъ, въ нашъ царствующій градъ Москву на годовое и полугодное время его не вызывати“²⁾. Значитъ, въ Москвѣ сложился такой обычай, что епархіальныхъ архіереевъ вызывали на очередь или на полгода или на годъ, по истеченіи которыхъ ихъ отпускали въ епархію, а на мѣсто отбывшихъ свою очередь вызывали другихъ³⁾.

¹⁾ Дворц. разр. т. III, стр. 1156, 1175, 1180, 1246, 1422.

²⁾ Собр. госуд. грам. догов. т. IV, № 172, стр. 500.

³⁾ Показаніе указанной царской грамоты подтверждается и тѣми записями, какія дошли до насъ объ участіи очередныхъ архіереевъ въ церковныхъ службахъ въ Москвѣ, изъ которыхъ мы можемъ видѣть кто, когда и сколько времени изъ епархіальныхъ архіереевъ былъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію такія записи безъ перерывовъ и въ подробномъ видѣ т. е. съ именованьемъ перечисленіемъ служащихъ архіереевъ сохранились только за 1673, 1674 и 1675 года. Но все-таки и онѣ даютъ намъ нѣкоторую возможность, хотя бы отчасти освѣтить фактически интересующій насъ вопросъ. Въ 1672 году мы встрѣчаемъ въ Москвѣ очередныхъ митрополитовъ: Питирима новгородскаго, Парасевія астраханскаго, Иларіона рязанскаго и Фларета нижегородскаго; архіепископовъ: Варсонофія смоленскаго, Стефана суздальскаго и Іосифа Коломенскаго, итого—семерыхъ очередныхъ архіереевъ. Къ сентябрю 1673 года всѣ они уже оставили Москву и на мѣсто ихъ явились новые, которые и выступаютъ въ церковной службѣ 11-го сентября. Это были митрополиты: Іоакимъ новгородскій, Корнилій казанскій, Іона ростовскій, архіепископы: Іоасафъ тверской и Арсеній псковскій итого—пять архіереевъ. Изъ нихъ Іоакимъ новгородскій 23 іюля 1674 года избирается въ патріархи; Корнилій казанскій, переведенный въ Новгородъ, пробылъ въ Москвѣ съ 11-го сентября 1673 года, до 26 декабря 1674 года.—значитъ пробылъ на очереди годъ и три мѣсяца; Іона ростовскій пробылъ въ Москвѣ съ сентября 1673 года до седьмое января 1675 года т. е. годъ и четыре мѣсяца. Архіепископы: Арсеній псковскій пробылъ въ Москвѣ съ сен-

Соблюдался-ли какой либо разъ строго опредѣленный порядокъ, или опредѣленная очередь при вызовѣ епархіальныхъ архіереевъ въ Москву, по неимѣнію (говорю за себя) данныхъ, сказать не могу. Можно замѣтить только одно, что архіереи отдаленныхъ епархіи рѣже вызывались въ Москву, чѣмъ ближайшихъ, а сибирскій, напримѣръ, архіепископъ, а потомъ митрополитъ, конечно вслѣдствіе отдаленности его епархіи, почти и совсѣмъ не вызывался въ Москву. По крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ его въ Москвѣ только два раза.

Относительно промежутковъ времени, чрезъ какіе одинъ и тотъ же архіерей призывался на очередь въ Москву, можно отмѣтить такіе факты: Филаретъ, митрополитъ нижегородскій, былъ на очереди въ 1672 году и затѣмъ снова былъ вызванъ въ январѣ 1675 года; Варсонофій, архіепископъ смоленскій, былъ на очереди въ 1672 году, а въ первыхъ числахъ января 1675 года былъ вызванъ вновь; Іосифъ, архіепископъ коломенскій, былъ на очереди тоже въ 1672 г., а снова былъ вызванъ въ январѣ 1675 года. Значить, всѣ указанные архіереи, вызывались на очередь чрезъ два года.

тября 1673 года до начала апрѣля 1674 года, т. е. семь мѣсяцевъ; Симонъ вологодскій, прибывшій въ Москву въ мартъ 1674 года, отпущень изъ Москвы 25 февраля 1675 года, т. е. пробылъ въ Москвѣ на очереди почти годъ; Стефанъ суздальскій прібылъ въ Москву 17 августа 1674 года, а уже 21 ноября въ службахъ не участвуетъ и, значить, почему-то былъ отпущень изъ Москвы только послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ ней. Что такой краткій срокъ пребыванія архіерея на очереди считался ненормальнымъ, это видно изъ того, что тотъ же Стефанъ, уже чрезъ восемь мѣсяцевъ—въ августъ 1675 года, снова былъ вызванъ въ Москву на очередь. Іосифъ коломенскій явился въ Москву 1-го сентября 1674 года, а былъ отпущень 29 мая 1675 года, т. е. пробылъ въ Москвѣ девять мѣсяцевъ. Іова, епископъ вятскій, значить присутствующимъ въ Москвѣ 17 августа, а 26 декабря былъ отпущень въ свою епархію, пробывъ въ Москвѣ съ небольшоимъ четыре мѣсяца.

Изъ приведенныхъ данныхъ, какія только сейчасъ доступны мнѣ (говорю за себя), видно, что митрополиты, являясь въ Москву на очередь, проживали здѣсь болѣе года, а архіепископы одни по году, другіе по полгода, а нѣкоторые и того менѣе. Значить, показаніе грамоты государей Гедееву Четвергинскому, что въ Москвѣ существуетъ обычай вызывать епархіальныхъ архіереевъ въ Москву на годовые и полугодовые сроки въ существѣ вполнѣ вѣрно, только эти годовые и полугодовые сроки строго не выдерживались, а иногда были нѣсколько длиннѣе, иногда нѣсколько короче, смотря, очевидно, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ.

Держались ли этого правила всегда и относительно всѣхъ вообще архіереевъ, кромѣ указанныхъ, не знаю. Очень возможно, что и всѣхъ другихъ архіереевъ вызывали на очередь не ранѣе какъ чрезъ два года.

Что касается количества вызываемыхъ на очередь архіереевъ, то въ этомъ отношеніи не было чего-либо строго опредѣленнаго, число ихъ въ разное время было не одинаково и постоянно измѣнялось ¹⁾. Постоянною обязанностію и занятіемъ проживавшихъ въ Москвѣ очередныхъ архіереевъ было, кромѣ участія въ соборныхъ засѣданіяхъ, совершеніе торжественныхъ церковныхъ службъ, по назначенію патріарха. Каждый архіерей являлся въ Москву съ своимъ собственнымъ протодіакономъ и съ своимъ хоромъ пѣвчихъ. Когда они назначались совершать службы въ разные соборы, монастыри и приходскіе церкви (въ ихъ престольные праздники), тогда обыкновенно пѣлъ хоръ архіерея, который первенствовалъ въ службѣ ²⁾. Самовольно, безъ назначенія

¹⁾ Такъ лѣтомъ 1672 года въ Москвѣ очередныхъ митрополитовъ было четыре, архіепископовъ три, всего — 7. Въ 1674 году, до 12-го апрѣля, составъ очередныхъ архіереевъ оставался тотъ же, что и въ 1673 году: но съ 12 апрѣля 1674 года уходитъ одинъ архіепископъ, такъ что очередныхъ архіереевъ остается только 4. 19 апрѣля новгородскій митрополитъ Іоакимъ избирается въ патріархи, и очередныхъ архіереевъ остается всего 3. 17 августа появляется новый митрополитъ, новый архіепископъ и одинъ епископъ, всѣхъ становится 6. 1-го сентября появляется еще новый архіепископъ, а 14 сентября еще новый очередной митрополитъ и всѣхъ становится 8. 21 ноября уходитъ одинъ архіепископъ, а 26 декабря сразу отпускають двухъ митрополитовъ и епископа, такъ что всѣхъ очередныхъ остается 4. Января 6-го 1675 года являются вновь одинъ митрополитъ и одинъ архіепископъ, но зато 7 января отпускается въ епархію одинъ митрополитъ, а около 12 числа другой, такъ что всѣхъ остается 4. По 7 февраля является новый митрополитъ и всего становится 5. Очевидно, количество очередныхъ архіереевъ въ Москвѣ было въ разное время неодинаково и постоянно измѣнялось: иногда ихъ число доходило до восьми, а иногда падало даже до трехъ.

²⁾ Въ Дворцовыхъ разрядахъ читаются, напримѣръ, такія очень редкія записи: „тогожь числа (1-го сент. 1674 года) служили власти въ соборной и апостольской церкви: святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Русіи, да съ нимъ власти: Іона, митрополитъ ростовскій и ерославскій, Іосифъ, митрополитъ резанскій и муромскій, Свмонъ, архіепископъ вологодскій и блъозерскій, Стефанъ, архіепископъ суздальскій и юрѣевскій, Іосифъ, архіепископъ коломенскій и каширскій, Іона, епископъ вятскій и великоуермскій, да архимандриты и игумены и прото-

патріарха, архіерей никогда въ Москвѣ служить не могъ. Но всетаки и въ тѣ дни, когда онъ нигдѣ не служилъ по назначенію, для него обязательно было присутствовать на всѣхъ церковныхъ службахъ въ соборѣ, гдѣ былъ патріархъ, и уклоненіе отъ этой обязанности могло вызвать порицаніе со стороны патріарха. Въ Дворцовыхъ разрядахъ мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „тогожъ числа (8 авг. 1675 г.) указалъ свя-

попы: а пѣли пѣвчіе и подьяки патріарши. У Благовѣщенія: Корнилей, митрополитъ повгородскій и великолудкій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да ключари благовѣщенскіе съ соборомъ: а пѣли пѣвчіе и подьяки повгородскіе. Въ Вознесенскомъ монастырѣ: Павель, митрополитъ сарскій и падопскій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да протопопъ вознесенскій съ соборомъ, а пѣли пѣвчіе и подьяки крутицкіе. У архангела Михаила: Іоакимъ, епископъ сербословенскій, да съ нимъ игумень, да протопопъ архангельской съ соборомъ: а пѣли пѣвчіе и подьяки сербословянскіе“. Или: „тогожъ году сентября въ 4 день праздновалъ великій государь государыни царевны и великой княжвы Марѣы Алексѣовны ангелу: а выходу великому государю небыло и государю царевичу въ соборную и апостольскую церковь. А служилъ: въ соборной и апостольской церкви Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, да съ нимъ власти: Корнилей, митрополитъ новгородскій и великолудкій, а съ нимъ архіепископъ вологодскій и бѣлозерскій, Стефанъ, архіепископъ суздальскій и юрьевскій, Іосифъ, архіепископъ коломенскій и каширскій, да архимандриты и игумены и протопопы; а пѣли пѣвчіе и подьяки патріарши. У архангела Михаила служилъ Іона, митрополитъ ростовскій и ерославскій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да протопопъ архангельской съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки ростовскіе. Въ вознесенскомъ монастырѣ служилъ Павель, митрополитъ сарскій и падопскій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да протопопъ вознесенскій съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки крутицкіе. У Спаса на Новомъ служилъ Іосифъ, митрополитъ резанскій и муромскій, да съ нимъ архимандритъ спасской; а пѣли пѣвчіе и подьяки резанскіе. У Николая у Столпа служилъ Іона епископъ вятскій и великопермскій, да съ нимъ игумень, да никольской священникъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки вятскіе“ (т. III, стр. 976, 981—982, 1005, 1017, 1051, 1084, 1110, 1228 и др.).

Тогдашніе москвичи, любители торжественныхъ архіерейскихъ службъ, громогласныхъ протодьяконовъ и церковныхъ пѣвчихъ, переходя изъ одного храма въ другой, могли наслаждаться и торжественными службами разныхъ архіереевъ, и голосами знаменитыхъ протодьяконовъ, и пѣніемъ хоровъ различныхъ епархіальныхъ архіереевъ, воспитывая и развивая свой вкусъ въ этой области. Всѣмъ известная любовь и пристрастіе и современныхъ москвичей къ архіерейскимъ пышнымъ службамъ, къ крестнымъ ходамъ, къ голосистымъ дьяконамъ и къ церковнымъ пѣвческимъ хорамъ, явились не сейчасъ, а воспитывались вѣками,—корни ихъ прочно заложены были еще въ древней, допетровской Руси.

тѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Русіи, Стефану, архіепископу суздальскому и юрьевскому, ѣздить въ соборную церковь къ себѣ безпрестанно, а служить ему, архіепископу, безъ своего благословенія святительскаго не указаль¹⁾.

Несомнѣнно, что отбываніе епархіальными архіереями своей очереди въ царствующемъ градѣ Москвѣ, было для нихъ обязанностію очень тяжелою. Въ Москвѣ епархіальный архіерей находился подъ постояннымъ, очень бдительнымъ и крайне стѣснительнымъ для него надзоромъ патріарха и свѣтскаго правительства, онъ долженъ былъ соразмѣрять здѣсь каждый свой шагъ и поступокъ, чтобы какъ нибудь не вызвать неудовольствія, а то и прямо замѣчанія начальства. Большая часть его времени была занята длинными, утомительными церковными службами, крестными ходами, дѣловыми засѣданіями, парадными обѣдами,—уклоняться отъ исполненія всѣхъ этихъ обязанностей онъ не имѣлъ возможности. Въ своей епархіи „великій господинъ“, неограниченный „владыка“ и безконтрольный распорядитель не только своихъ личныхъ поступковъ и дѣятельности, но жизни и дѣятельности множества подчиненныхъ ему и зависящихъ отъ него во всемъ лицъ, въ Москвѣ онъ становился въ подчиненное зависимое положеніе, и не могъ сдѣлать ни единого самостоятельнаго шага; великій господинъ дома, въ Москвѣ превращался въ очень маленькаго господина, обязаннаго заискивать, а подчасъ и угодничать, предъ сильнѣйшими и большими его московскими господами; ему „великому господину“ и „владыкѣ“ приходилось въ Москвѣ въ морозъ по часу и по два дожидаться на крыльцѣ, пока большій его владыка и великій господинъ велитъ впустить его въ свою переднюю. Епархіальный очередной архіерей прекрасно понималъ, что пребываніе въ Москвѣ было для него экзаменомъ, искусомъ, который онъ долженъ пройти съ успѣхомъ, чтобы не испортить своей архіерейской карьеры. Естественно, что очередной епархіальный архіерей напрягалъ всѣ свои силы, чтобы съ успѣхомъ выдержать экзаменъ, пускалъ входъ все свое умѣнье, чтобы благополучно возвратиться въ свою епархію. Вѣроятно большинство изъ

1) Дворц. разр. т. III, стр. 1591.

нихъ ѣхало въ Москву не особенно охотно; но зато, исполнивъ успѣшно хлопотливую и тяжелую повинность, съ удовольствіемъ спѣшило возвратиться въ свою епархію.

Такимъ образомъ, въ видахъ приведенія въ исполненіе постановленія собора 1667 года объ обязательности ежегодно собирать церковные сборы, какъ этого требуютъ, на чемъ усиленно настаиваютъ каноны церкви, у насъ возникло, послѣ 1667 года, въ высшемъ церковномъ управленіи новое учрежденіе: постоянный соборъ при патріархѣ, состоящій изъ нѣсколькихъ, по очереди вызываемыхъ въ Москву епархіальныхъ архіереевъ, которые, чрезъ извѣстные промежутки времени, смѣнялись другими вызываемыми очередными архіереями. Это новое въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи учрежденіе несомнѣнно и было праотцемъ нынѣшняго Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Значить думать, что Петръ Великій, уничтожая патріаршество и учреждая Святѣйшій Синодъ, вводилъ этимъ въ наше высшее церковное управленіе что-то совсѣмъ новое, ранѣе у насъ совсѣмъ невиданное и небывалое, что Св. Синодъ есть личная выдумка и созданіе Петра, было бы очень ошибочно. Петръ Великій, учреждая Синодъ, бралъ уже готовое, существовавшее до него въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи учрежденіе, только нѣсколько передѣлавъ его сообразно съ своими цѣлями и намѣреніями.

Вторымъ важнымъ вопросомъ, возбуждившимъ вниманіе собора 1667 года, былъ вопросъ объ увеличеніи у насъ числа архіерейскихъ кафедръ.

Однимъ изъ ненормальныхъ и прямо болѣзненныхъ явленій въ церковной жизни древней Руси было то обстоятельство, что при громадности территоріи и общей многочисленности народонаселенія, у насъ, даже къ концу XVII вѣка, было всего только 17 епархій. Нужны были, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, цѣлыя мѣсяцы, а въ Сибири чуть не годы, чтобы какое-либо распоряженіе архіерея дошло до всего духовенства и паствы его епархіи, и многіе мѣсяцы на то, чтобы духовенство могло переслать свой отвѣтъ архіерею на его требованія и распоряженія. О какомъ либо прямомъ и непосредственномъ воздѣйствіи архипастыря не только на своихъ многочисленныхъ пасомыхъ, но и на самое духовенство, особенно сельское, не могло быть и рѣчи, такъ какъ

архіереи буквально не имѣли никакой возможности объѣзжать свои громадныя епархіи, а духовенство, ради той же громадности разстояній, не могло свободно и когда нужно являться къ своему епархіальному архіерею со своими нуждами, недоумѣніями, запросами. Вслѣдствіе этого архіереи не могъ знать не только своихъ пасомыхъ—мірянъ и хотя бы сколько нибудь оказывать на нихъ свое архипастырское воспитывающее воздѣйствіе, но онъ не зналъ даже всѣхъ членовъ причтовъ, входящихъ въ составъ приходовъ его епархіи, не находилъ и не имѣлъ возможности находиться даже со священнослужителями въ живомъ постоянномъ общеніи и непосредственно воздѣйствовать на нихъ,—нѣкоторые изъ членовъ церковнаго причта нерѣдко во всю свою жизнь даже и не видывали своего епархіальнаго архіерея. Обыкновенно архіереи хорошо зналъ духовенство своего кафедральнаго собора, зналъ болѣе или менѣе духовенство своего кафедральнаго города, а изъ духовенства другихъ городовъ своей епархіи, а тѣмъ болѣе изъ сельскаго, зналъ только поповскихъ старостъ и тѣхъ отдѣльныхъ духовныхъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ непосредственно обращались къ нему съ своими дѣлами. Изъ пасомыхъ мірянъ архіереи обыкновенно знали или только очень богатыхъ, или высокопоставленныхъ и вліятельныхъ особъ, особенно имѣвшихъ связи съ высшими сферами. Вся же остальная—заурядная паства: ея настроенія, влеченія, чаянія, нужды и интересы, даже религіозно-нравственныя, ему оставались или почти совсѣмъ или мало извѣстными, и потому сторонними и чуждыми. Зато и паства, съ своей стороны, совсѣмъ не знала своего архіерея и не интересовалась имъ. Конечно архіереи могъ дѣйствовать и дѣйствительно дѣйствовалъ на духовенство и паству чрезъ указы, приказы, посланія и другія подобныя произведенія канцелярскаго искусства; но дѣйствительная цѣнность и дѣйственность подобнаго рода канцелярскихъ упражненій слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы о ней можно было говорить серьезно, какъ о факторѣ, могущемъ оказать воспитывающее вліяніе на церковную жизнь епархіи.

Понятно изъ сказаннаго, какъ важно и необходимо было, въ видахъ нормальнаго и правильнаго теченія всей нашей церковно-религіозной жизни, въ видахъ ея болѣе полнаго и

высокаго развитія, имѣть сколько возможно большее число архіерейскихъ кафедръ сравнительно съ тѣмъ ихъ количествомъ, какое тогда имѣлось на Руси въ дѣйствительности.

Крайняя малочисленность русскихъ епархій, совершенно не соотвѣтствующая громадности территории Россіи и многочисленности ея православнаго населенія, уже ранѣе собора 1667 года обращала на себя вниманіе восточныхъ патріарховъ, тѣмъ болѣе, что подобное устройство нашего епархіальнаго управления совершенно несогласно было съ представленіемъ грековъ о томъ, что такое епархія, какъ территоріальная единица, и какое значеніе въ ней долженъ имѣть епархіальный архіерей. Греческія епархія очень невелики по своему пространству и потому легко обозрѣваемы мѣстнымъ архіереемъ, число пасомыхъ въ нихъ нерѣдко простирается до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и рѣдко въ какой епархіи достигаетъ десяти тысячъ человѣкъ и болѣе. Нашихъ епархій въ нѣсколько сотъ верстъ пространствомъ, съ нѣсколькими сотнями тысячъ пасомыхъ, православные греки и арабы не могутъ и представить. Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство, у насъ въ Россіи мало кому извѣстное, что греческіе архіереи ставятся не изъ монаховъ, какъ у насъ, а только изъ лицъ неженатыхъ, къ монашеству не имѣющихъ никакого непосредственнаго отношенія, хотя они и носятъ всегда скромную монашескую одежду, и по внѣшнему виду кажутся монахами, не будучи ими въ дѣйствительности. Греческій архіерей есть нѣчто среднее между монахомъ и бѣлымъ священникомъ: онъ не женатъ, но онъ не постригается въ монахи и не даетъ монашескихъ обѣтовъ. Какъ не монахи греческіе архіереи часто живутъ не въ монастыряхъ, а въ частныхъ домахъ, свободно посѣщаютъ собранія въ домахъ своихъ пасомыхъ, употребляютъ въ пищу мясо, конечно кромѣ постовъ, исправляютъ разныя церковныя требы у своихъ пасомыхъ и даже вѣнчаютъ свадьбы, и всѣмъ этимъ ближе подходятъ къ бѣлому, а не черному духовенству, почему и въ древней Руси, до половины XVII вѣка, архіереи нерѣдко назывались у насъ, въ отличіе отъ чернаго (монашествующаго) и бѣлаго (женатаго) духовенства „нестрымъ“, духовенствомъ „нестрыя власти“¹⁾

¹⁾ Въ томъ 1905 года въ нашей академіи рѣшена была поѣздка въ Палестину, въ составъ: ректора преосвященнаго Евдксима, нѣсколькихъ

Понятно само собою, что греческіе архіереи, благодаря не-
большимъ размѣромъ своихъ епархій и немногочисленности

профессоровъ (между которыми были п я) и студентовъ. Я поставилъ себѣ задачею въ эту повѣздку (ранѣе я ѣздилъ въ Палестину въ 1900 году) на мѣстѣ провѣрить имѣвшіяся у меня свѣдѣнія о восточныхъ архіереяхъ и, если обстоятельства поблагопріятствуютъ, то поговорить по этому вопросу съ самимъ вселенскимъ Константинопольскимъ патриархомъ Іоакимомъ, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться на Афонѣ еще въ 1900 году. Обстоятельства поблагопріятствовали Патриарху Іоакиму, послѣ общаго пріема всѣхъ насъ (6 іюня), причемъ онъ заявилъ, что хорошо меня помнитъ, пригласилъ преосвященнаго ректора и профессоровъ къ себѣ въ кабинетъ для бесѣды. Здѣсь, послѣ разговоровъ о разныхъ матеріяхъ, я испросилъ у патриарха разрѣшенія предложить ему одинъ вопросъ, по которому мнѣ желательно было бы звать мнѣніе Его Блаженства. Разрѣшеніе было дано и я, чрезъ переводчика, патриаршаго секретаря, воспитанника петербургской духовной академіи, говорилъ патриарху слѣдующую заранѣе подготовленную мною рѣчь: „Ваше блаженство хорошо знаетъ, что въ Россіи предполагается собрать всероссійскій церковный соборъ, на которомъ будутъ обсуждаться разные церковные вопросы. Объ одномъ изъ этихъ вопросовъ я и желаю бы слышать компетентное и авторитетное мнѣніе Вашего Блаженства. У васъ въ Россіи, какъ Вы знаете, архіереи обязательно поставляются изъ монаховъ, благодаря чему наши архіереи становятся въ ложное и для многихъ изъ нихъ, очень тяжелое положеніе, которое, большинство изъ нихъ, не можетъ не сознавать. Какъ монахъ, архіерей ранѣе далъ уже предъ Богомъ и людьми торжественный и клятвенный обѣтъ всецѣлаго послушанія, безусловнаго смиренія, полнаго безкорыстія. Онъ клятвенно и навсегда отрекся отъ своей воли, личныхъ взглядовъ и идеаловъ, отъ міра и всего мірскаго, торжественно клялся всю свою жизнь провести въ дали отъ міра, въ убогой кельѣ, занимаясь только покаяніемъ, молитвою, заботою о своемъ душевномъ спасеніи. А между тѣмъ, этотъ же монахъ, сдѣлавшись архіереемъ, вопреки своимъ клятвамъ и клятвеннымъ обѣщаніямъ, требуетъ, и обязанъ требовать, отъ всѣхъ многочисленныхъ своихъ подчиненныхъ, а въ павѣстныхъ случаяхъ и отъ всей своей паствы, безусловнаго себѣ послушанія и подчиненія, является предъ ними не смиреннымъ инокомъ, а властнымъ карающимъ начальникомъ, долженъ проявлять всюду, въ управленіи епархіею, личную волю, личную энергію и стойкость, свое личное пониманіе дѣла, обязанъ крѣпко бороться даже съ высшею его властію, если она предписываетъ что либо несогласное, по его искреннему убѣжденію, съ благомъ церкви и спасеніемъ его пасомыхъ. Онъ, ранѣе клятвенно отрекшійся отъ міра и всего мірскаго, теперь, сдѣлавшись архіереемъ, постоянно живетъ и дѣйствуетъ въ оставленномъ было мѣстѣ, среди мірскаго житейскаго суеты, интересовъ, волненій и страстей мірскихъ подчиненныхъ ему людей, постоянно занимается мірскими житейскими дѣлами, которыя онъ обязанъ направлять и рѣшать павѣстнымъ образомъ. Какъ

въ нихъ православнаго населенія, хорошо знаютъ не только весь епархіальный приходскій клиръ, но и большинство

монахъ онъ обязанъ строго хранить нищету, жить въ бѣдной, а то и убогой кельи, но, какъ архіерей, онъ получаетъ огромныя, особенно для одинокаго человѣка, доходы, живетъ въ богатыхъ, а часто и роскошныхъ палатахъ, во всѣхъ своихъ выходахъ и выездахъ бываетъ окруженъ особою чрезвычайною помпою, носитъ дорогія цвѣтныя одежды, навѣшиваетъ на себя мірскія чиновничьи ордена и другія драгоценныя украшенія и т. под.,—такъ что въ архіерей, даже по внѣшности, окончательно стираются всѣ черты настоящаго инока, въ его лицѣ смиренный и убогій инокъ открыто превращается во многомъ въ мірскаго владетелина. Я не говорю уже о томъ, что благодаря маесъ дѣль, и по преимуству мірскихъ и житейскихъ, архіерею вѣтъ возможности исполнить главный монашескій обѣтъ, составляющей сущность монашества: проводить время въ непрестанной молитвѣ, въ покаяніи и плачѣ о своихъ грѣхахъ, въ неусыпныхъ заботахъ о спасеніи своей души, только ради чего онъ и пошелъ въ монахи. Словомъ, если архіерей пожелаетъ быть настоящимъ, а не по имени только, монахомъ, то неизбежно онъ будетъ очень плохимъ архіереемъ, а если онъ захочетъ быть заботливымъ, хорошимъ архіереемъ, то онъ неизбежно будетъ въ тоже время очень плохимъ монахомъ, монахомъ только по имени,—одно необходимо и неизбежно зачеркиваетъ другое. Миѣ представляется, по указаннымъ причинамъ, что монашество и архіерейство рѣшительно несомвѣстимы. Какъ объ этомъ думаетъ Ваше Блаженство“?

Патріархъ Іоакимъ на это отвѣтилъ: „по сло личному убѣжденію монашество и архіерейство совмѣстимы“. Онъ заявилъ далѣе, что и въ древней церкви архіереи *иногда* избирались изъ монаховъ, и изъ нихъ выходили святители высокой и даже святой жизни, что *по личному мнѣнію его—патріарха*, если взять архіереевъ изъ монаховъ и не монаховъ, то большій процентъ лучшихъ архіереевъ падеть на архіереевъ изъ монаховъ.—Когда патріарху мною было замѣчено, что всетаки противорѣчіе между инокескими обѣтами, какъ напримѣръ, послушаніемъ и архіерействомъ, остается въ полной силѣ, то патріархъ заявилъ, что архіерей обѣтъ инокескаго послушанія, какъ дѣйствительно несомвѣстимый съ архіерействомъ, можетъ сложить съ себя, равно какъ и нѣкоторые другіе инокескіе обѣты, тоже несомвѣстимые съ архіерействомъ. Другое дѣло, замѣтилъ патріархъ, если архіерей, будучи не монахъ, пожелаетъ сдѣлаться монахомъ; тогда онъ неизбежно, какъ требуютъ соборныя правила, долженъ сложить съ себя архіерействъ; но если архіерей избранный изъ монаховъ, то онъ, оставаясь монахомъ, въ тоже время можетъ быть и архіереемъ. Вообще, въ заключеніе замѣтилъ патріархъ, *въ архіереи нужно избирать самыхъ лучшихъ людей, будутъ-ли то монахи, или не монахи*, людей глубоко благочестивыхъ и высоконравственныхъ, пусть они и не будутъ выдаваться особою ученостію, такъ какъ дѣло архіерейства не столько въ высокой наукѣ, сколько въ истинномъ благочестіи и въ высокой христіанской нравственности.—Я согласился съ этимъ мнѣ-

своихъ пасомыхъ мiрянъ, съ которыми они, отправляя у нихъ и требы, необходимо находятся въ живыхъ непосред-

рымъ разсужденіемъ вселенскаго патріарха и призвалъ его лучшимъ рѣшеніемъ интересовавшаго меня вопроса.—Послѣ этого я предложилъ патріарху еще одинъ вопросъ: „скажите Ваше Блаженство, что теперешніе архіереи Вашей патріархіи монахи или нѣтъ? Патріархъ отвѣтилъ: „практика послѣдняго времени установилась такая, что наши архіереи—не монахи“.

На другой день (7 іюня) къ намъ на подворье прибыли, съ отвѣтнымъ визитомъ патріарха, его секретарь-переводчикъ и архидіаконъ. Снова стали обсуждать вопросъ о монашествѣ и архіерействѣ и г. патріаршій секретарь, показывая на архидіакона, сказали: „вотъ предъ вами патріаршій второй архидіаконъ въ монашескомъ одѣяніи, но онъ поставленъ въ архидіакона безъ какого бы то ни было отношенія къ монашеству и онъ не монахъ“. Тогда я спросилъ архидіакона: „можетъ-ли онъ, не будучи монахомъ, сдѣлаться архіереемъ и даже патріархомъ? Архидіаконъ отвѣтилъ: „да, могу“. Въ заключеніе бесѣды я предложилъ патріаршему секретарю такой вопросъ: „изъ вчерашняго разговора съ Блаженнѣйшимъ патріархомъ Вы знаете, что по моему убѣжденію монашество и архіерейство несовмѣстимы, и вотъ еслибы этотъ вопросъ я предложилъ на рѣшеніе патріаршаго Синода, за какое бы мнѣніе, по Вашему убѣжденію, Синодъ высказался, скажите мнѣ откровенно и прямо? Патріаршій секретарь на это отвѣтилъ: „смѣю васъ увѣрить, профессоръ, что всѣ архіереи нашего патріаршаго Синода *единогласно высказались бы за ваше мнѣніе*. Вы должны принять во вниманіе, что патріархъ вчера, разсуждая съ вами, постоянно и нарочно подчеркивалъ свои мнѣнія выраженіемъ: „по моему личному мнѣнію“, или: „по моему личному убѣжденію“.

Когда я, съ преосвященнымъ Евдокимомъ, посѣтилъ живущаго близъ Константинополя, на о. Халки, бывшаго іерусалимскаго патріарха Никодима, съ которымъ я познакомился въ свою поѣздку на востокъ въ 1900 году, то мы и съ нимъ повели разговоръ о совмѣстимости монашества и архіерейства. Патріархъ Никодимъ говорилъ, что русскимъ не слѣдуетъ въ этомъ дѣлѣ подражать грекамъ, а держаться своего стараго обычая т. е. ставить архіереевъ изъ монаховъ. Я замѣтилъ патріарху: какъ можетъ онъ, самъ не монахъ, желать того, чтобы въ Россіи архіереи были монахи? На это патріархъ съ живостію воскликнулъ: „да я самъ монахъ, настоящій монахъ!“ Тогда я невольно спросилъ его: „когда же Вы, Ваше Блаженство, сдѣлались монахомъ?“ „Въ Москвѣ, отвѣчалъ онъ. Когда меня въ Москвѣ изъ архимандритовъ ставили въ архієпископы Фаворскіе, то предъ поставленіемъ преосвященный Алексѣй (Лавровъ), тогда викарій московскій, предварительно постригъ меня—архимандрита въ монахи, надѣлъ на меня мапію и я сдѣлался настоящимъ монахомъ“.

Преосвященный Евдокимъ, при осмотрѣ известной Халкинской духовной школы, изъ которой выходитъ большинство греческихъ іерарховъ.

ственныхъ сношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что греческіе архіереи, имѣя очень небольшія епархіи, не получаютъ съ нихъ тѣхъ большихъ и часто огромныхъ доходовъ, какіе получали съ своихъ обширныхъ епархіи русскіе архіереи. А вслѣдствіе этого и вся обстановка жизни греческаго архіерея не походила на обстановку древне-русскаго архіерея—этого богатаго высокаго духовнаго сановника, окруженнаго, подобно владѣтельному князю, своими боярами, дѣтьми боярскими, дворецкими, дьяками и другими мірскими служившими у него людьми, имѣвшими торжественные пышные выходы и выѣзды и т. под. греческіе архіереи не только очень скромны въ своихъ одеждахъ и всей своей обстановкѣ,—встрѣчаясь съ ними на улицѣ, не отличишь ихъ отъ простыхъ монаховъ,—но и болѣе доступны для всякаго, имѣющаго въ нихъ нужду. Вполнѣ естественно было поэтому, что греческихъ іерарховъ поражала высь, пышность и чисто государственное и мірское сановничество нашихъ архіереевъ, ихъ крайняя далекость отъ нуждъ и интересовъ паствы, полная заброшенность послѣдней со стороны дѣйствительнаго архипастырскаго воздѣйствія и воспитанія. Причину этого они видѣли главнымъ образомъ въ малочисленности русскихъ епархіи, почему и предлагали увеличить число ихъ. Этого же, въ интересахъ болѣе правильнаго и высокаго религіозно-нравственнаго воспитанія народа, всегда желало и наше свѣтское высшее правительство, такъ что наши государи, въ этомъ дѣлѣ, охотно шли навстрѣчу пожеланіямъ восточныхъ патріарховъ. Когда у насъ учреждено было патріаршество, въ то же время рѣшено было, по желанію государя, констан-

спросилъ ректора школы, по одѣванію инокъ, какъ онъ думаетъ: могутъ ли монахи быть архіереемъ? на что тотъ сурово отвѣтилъ: „кто пошелъ въ монахи, тотъ и долженъ до смерти жить въ своемъ монастырѣ, а не искать архіерейства“.

Въ Іерусалимѣ, по обстоятельствамъ, мнѣ не пришлось бесѣдовать по данному вопросу съ самимъ патріархомъ, но я бесѣдовалъ съ профессорами тамошней патріаршей духовной крестовой школы, по сану архимандритами. Они—архимандриты самихъ себя не признаютъ монахами, такъ какъ никогда не давали никакихъ монашескихъ обѣтовъ и не принимали монашескаго постриженія, они признавали, что всѣ ихъ архіереи не монахи и что монашество и архіерейство въ одномъ лицѣ несо-вмѣстимы.

тинопольскимъ патріархомъ Іеремією и первымъ московскимъ патріархомъ Іовомъ, открытъ на Руси восемь новыхъ епархій. Но въ дѣйствительности у насъ открыли только три новыхъ епархій, а пять предположенныхъ осталось неоткрытыми, такъ что всѣхъ епархій оказалось не 19, какъ этаго требовала уложенная грамота о патріаршествѣ, а только 14. На соборѣ 1667 года государь предложилъ выполнить требованіе уложенной грамоты объ увеличеніи у насъ количества епархій. Предложеніе было принято соборомъ и, говоритъ соборное дѣяніе, „присудихомъ, еже тако быти, утвердивши, да по мѣстамъ архієпископовъ и епископовъ неимущимъ, поставлени будутъ архієреи“, и затѣмъ намѣчаются тѣ города, въ которыхъ предполагалось вновь поставить архієреевъ. Рѣшено было вновь поставить архієреевъ въ десяти городахъ. Въ то же время патріархи, вмѣстѣ съ соборомъ, заявляютъ: „еще же, по богорачительному желанію великаго государя, благословляемъ вновь въ великихъ градѣхъ (т. е. помимо десяти вышеуказанныхъ городовъ) и въ дальнихъ растояніяхъ, идѣже подобаетъ по разсмотрѣнію его царскому съ совѣтомъ и благословеніемъ святѣйшаго патріарха и согласіемъ преосвященныхъ архієреевъ, російскаго государства, избирати и поставляти архієрея: митрополиты и архієпископы и епископы, во еже бы стаду Христову не безъ довольныхъ пастырей быти, да управляется и расширяется православіемъ въ родъ и родъ богохранимое російское царство со прочими государствами богопорученными великому государю“.

Предоставляя и въ будущемъ государямъ, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, открывать и въ дальнѣйшее время новыя и новыя епархій, патріархи рекомендуютъ при этомъ ввести на Руси въ церковномъ управленіи такой строй: „повелѣваемъ коемуждо митрополиту имѣти подь собою епископы, по святымъ правиламъ, ради конечнаго исполненія церковнаго и пасенія душъ человѣческихъ... А жити тѣмъ епископомъ коемуждо подь своимъ архієреомъ, во своихъ епархіяхъ, во опредѣленныхъ имъ градѣхъ, въ монастырѣхъ, и владѣти того монастыря вотчинами, и творити все по благословенію и по повелѣнію своихъ имъ митрополитовъ, а безъ воли ихъ ничегаже творити, кромѣ священнодѣйствія,

и хиротоніи и прочихъ, яже повелѣвають имъ святая правила“¹⁾).

Такимъ образомъ, государь и восточные патріархи, со всѣмъ соборомъ 1667 года, рѣшили во-первыхъ: увеличить количество епархій у насъ сразу на десять, намѣченныхъ въ самыхъ соборныхъ постановленіяхъ, а также постановили, чтобы и въ будущемъ государь, вмѣстѣ съ іерархами церкви, заботился объ увеличеніи количества епархій. Во-вторыхъ, восточные патріархи постановили, чтобы русскія епархіи подраздѣлены были на нѣсколько округовъ, во главѣ которыхъ должны стоять митрополиты съ подчиненными имъ епископами, чтобы такимъ образомъ каждый округъ, состоящій изъ нѣсколькихъ территориально смежныхъ епархій, представлялъ изъ себя самостоятельную, въ извѣстныхъ предѣлахъ, единицу, во главѣ которой стоитъ митрополитъ, самъ непосредственно подчиненный патріарху, верховному управителю всей церкви.

Постановленія собора 1667 года объ увеличеніи количества епархій не были приведены въ исполненіе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, за это взялся его сынъ—царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, рѣшившійся выполнить постановленія собора 1667 года объ увеличеніи числа архіерейскихъ канцдръ въ болѣе широкихъ и грандіозныхъ размѣрахъ, нежели какъ намѣчалъ соборъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшившійся ввести у насъ, согласно постановленію собора 1667 года, церковное управленіе по округамъ.

„27 ноября 1681 года государь совѣтовалъ о Святомъ Дусѣ со отцемъ своимъ и богомолцемъ съ великимъ господиномъ святѣйшимъ Іоакимомъ, патріархомъ московскимъ и всеа Русіи, изволилъ, для украшенія святаго церкви и для спасенія и просвѣщенія христіаномъ, быти и именоватись архіереомъ по степени, и коемуждо архіерею имѣти во своей епархіи епископовъ, подвластныхъ имъ, а святѣйшему патріарху, отцемъ отцу, имѣти многихъ епископовъ, яко главѣ и пастырю. А въ которыхъ градѣхъ быти епископамъ и отъ чего имъ имѣть довольство, и то писано имянно“. Царскій проектъ предлагалъ раздѣлить всю тогдашнюю территорію московскаго государства въ церковномъ отношеніи на 12

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 377—382.

митрополичихъ округовъ, а патріаршая область должна составлять изъ себя особый самостоятельный округъ. Двѣнадцать предположенныхъ митрополитовъ должны были называться по имени тѣхъ городовъ, которые ранѣе были столицами городами прежнихъ царствъ и княжествъ: новгородскій, казанскій, астраханскій, сибирскій, ростовскій и т. под. Каждый изъ двѣнадцати митрополитовъ долженъ имѣть подъ собою подчиненныхъ ему и зависимыхъ отъ него епископовъ, которые не имѣли права безъ воли и согласія своего митрополита предпринимать что либо, что выходило за предѣлы обычной власти епархіальнаго архіерея. Эти окружные митрополиты должны собирать изъ подчиненныхъ имъ епископовъ ежегодные окружные соборы, на которыхъ бы обсуждались всѣ мѣстные вопросы, нужды, интересы, случаи, конечно не касавшіеся всей церкви. Сами митрополиты непосредственно подчинялись патріарху, который, время отъ времени, сталъ бы собирать общерусскій церковный соборъ для рѣшенія на немъ дѣлъ и вопросовъ, касающихся уже всей русской церкви и всего русскаго народа. Этотъ проектированный царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ строй церковнаго управленія очень близко подходилъ къ древнеканоническому церковному строю и въ то же время, являлся исполненіемъ постановленія собора 1667 года.

Н. Кантревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
